

Сюрприз второго состава

Русский Гастроли Марининского театра
Телеграф.
-1998.- Гастр.-с.10 на сцене Большого

В отличие от Петербурга, штормовавшего московского «Ивана Сусанина», Москва не проявила никакого ажиотажа: в субботу и воскресенье в Большом театре, где шла опера о другом, правда, не столь злосчастном путешественнике — «Летучем голландце» Вагнера — в зале оставалось немало свободных мест. Да, Москва никогда не была цитаделью вагнеризма в той же степени, что Петербург — но те, кто игнорировал блестящее начало гастролей Марининского театра, потеряли много.

Наша газета уже рецензировала недавнюю премьеру «Голландца» в Петербурге; а только что вышел новый номер еженедельника «Марининский театр», полный потрясающих исторических материалов о судьбе «Моряка-скитальца» в России; есть и подборка критических мнений, которые можно изложить по следующим пунктам:

1. Оркестр и Пьргиев великолепны.
2. Николай Пугачев в главной роли великолепен тоже, но чересчур расфранчен и стоит как тумба, поскольку режиссер не дал ему действия.
3. Пьргиев Беззубенков в роли моряка Далайда надежен как скала и во всем хорош, хотя и в меру.
4. Лариса Юголевская поет Сенту одухотворенно, но с натугой и несколько по-русски.

5. Леонид Захожаев из специалиста по маленьким ролям психопатологического плана превратился в неглаголющего лирического тенора.

6. Концептуальное решение режиссера Чхеидзе и художника Цыпина туманно, романтизма в нем нет и в помине, и в Байройте сделано круче.

7. Если режиссерской выдумки на что и хватило, то только не на хор — так развести массовку мог бы и студент.

8. Пусть корабли не плавают по морю, а ездят по потолку, но это не объясняет, почему голландский корабль образуется путем деления норвежского.

9. В некоторых действиях постановщиков можно заподозрить мелкое антивагнерианство, а уж вешать Сенту вместо того, чтобы ее топить — форменное безобразие.

10. Сто лет назад машинерия была лучше, и г-н Вальд в Большом театре устраивал так, что «при звуках бури и оркестра фантастическое судно, с красным освещением парусов, быстро выплывает на сцену, делает кругой поворот и пристает к берегу; бура затихает, и экипаж в глубоком молчании убирает паруса».

11. Пусть того хотел и сам Вагнер, но гнать три акта без антрактов жесто-

ко: хочется расправить члены и попить водички.

Оговорюсь, что выбрал лишь те позиции, с которыми согласен или мирюсь, хотя встречаются и противоположные (вплоть до того, что Чхеидзе «тонко чувствует специфику музыкального театра»). Один пункт можно теперь с чистой совестью отменить: похищение Сенты имело место только на премьерном спектакле, теперь же она воздымает руки звысь, что логично, раз уж потолок заменяет море, и не портит аппетита. В остальном же московская гастроль подтвердила полное преимущество музыкальной части над постановочной.

«Голландец» — не первое свидетельство того, что слеп Марининский театр на режиссеров, доверчив и уповае на случайную случайность. Темур Чхеидзе, когда-то блестяще поставивший «Игрока» — это холодная ручонка, это Цезарь Юли современности, умный и трезвый, но не способный понять, что вдохновенно путешествующий трупик на мертвом, причем исправном корабле — это тема Петербургской культуры, теперь безнадежно упущенная. С другой стороны, постановка вовсе не дала: нельзя не оценить отменный дизайнерский стиль Цыпина, а главное то, что мизансцены Чхеидзе (какая

скука хвалить режиссера за одно это!) не мешают певцам проявлять свое вокальное искусство.

По сравнению с премьерой, уровень певцов, оркестра и хора стал даже еще выше. Культурным событием могло бы стать уже одно то, как звучал оркестр Марининки из ямы Большого; женский хор так подтянулся, что обогнал мужской; из претензий к мужскому хору главной осталась даже не та, что он глупо действует или порой поет невпопад, а то, что его не набирается на два экипажа. Пугачев и Беззубенков подтвердили все ожидания, а Юголевская и Захожаев стали петь заметно лучше. Но основная радость ждала тех, кто выслушал оперу дважды.

Второй состав, чего никогда не бывает, оказался ничем не хуже первого: возможно, Владимир Вансеев излишне упоенно подавал свои вокальные достоинства, но едва ли их оказалось меньше, чем у Пугачева. Беззубенкова сменил совсем молодой бас Станислав Швец; то, что самая ходульная партия поручена самому экзальтированному певцу, казалось забавным, но несомненно то, что он рассказывал о корыстолюбивом Далайде какую-то свою историю, а звучал более чем культурно. Немного портит дело бедный влюбленный Эрик — Константин Плужников, цинично-опытный актер с потасканым тембром. Зато Сента!

Не будет преувеличением сказать, что в воскресенье утром на сцене Большого произошло открытие. Мы услышали молодую певицу с роскошными данными — сильным, страстным тембром, мощными верхами и красивым пиано; мы увидели настоящую романтическую героиню — северную девушку, прекрасную и взволнованную, словно вышедшую из легенд. Еще удивительнее то, что для Млады Худолей это было лишь второе в жизни появление на оперной сцене. Москвичка, выпускница ГИТИСа (!), занимавшаяся вокалом у частных педагогов, она до этого лишь немного выступала с концертными программами, а затем была представлена Пьргиеву и дебютировала сразу в партии Саломеи. Не знаю, кто еще имел в своей биографии столь впечатляющее начало: две роли — два выступления, оба на первых сценах России. Стоит ждать столь же ослепительно продолжения; певице по голосу самые тяжелые партии сопранового репертуара; пожелаю ей только одного — рассчитывать силы.

Вчера Марининский театр продолжил выступления «Хованщиной»; на очереди — «Катерина Измайлова», «Парсифаль» и «Огненный ангел», а также два концерта. Гастроли продлятся до 12 апреля.

ПЕТР ПОСПЕЛОВ

Млада Худолей, спевшая Сенту во втором составе «Голландца», стала открытием оперного сезона